

УДК 93/94

Алмазов М.Г., аспирант, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова (Россия).

СУДЬБА ВОЗЗВАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Ф.В. ДУБАСОВА К МОСКОВСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ В ПЕРИОД ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1905г.

В статье рассмотрена история воззваний московского генерал-губернатора вице-адмирала Ф.В. Дубасова, появившихся в период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. Данная тема значима в ракурсе исследования возможности власти убеждать население в своей правоте в чрезвычайных условиях революции 1905-1907 гг. В историографии этот вопрос не получил всестороннего освещения, несмотря на интерес исследователей к событиям Декабрьского восстания. Статья написана на основе разнообразных источников – воззваний, материалов делопроизводства, прессы, личного происхождения. Особое значение при раскрытии темы имеют архивные документы, позволяющие проследить процесс разработки «афиш». Автором проанализированы история создания обращений генерал-губернатора к населению, их содержание, процесс их распространения среди москвичей и результаты их воздействия на настроения населения. Сделан вывод, что при создании «афиш» генерал-губернатор ставил цель привлечь на сторону власти «нейтральное население Москвы и деморализовать революционеров, ограждая при этом престиж власти. Однако такие факторы, как слабость силовых ресурсов администрации, не способной обеспечить должное распространение экземпляров воззваний, высокая неграмотность населения, умолчание Дубасовым о социальной подоплеке восстания и злоупотреблениях власти при его подавлении, резко снижали эффективность этих «афиш» в борьбе с революцией.

Ключевые слова: генерал-губернатор, воззвания, чрезвычайная охрана, Декабрьское восстание, революционеры, обязательное постановление, Ф.В. Дубасов, Н.П. Вишняков, Е.Л. Камаровская.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-9-17

История Декабрьского восстания 1905 г. в Москве неоднократно привлекала внимание исследователей [1, 9, 20, 21, 22, 23], но вопрос о попытках воздействия власти на «нейтральное население» Первопрестольной в ходе этого социального конфликта разрабатывался недостаточно (лишь в статье В.Н. Сторожева приводились тексты некоторых воззваний, бывших главной формой обращения администрации к населению) [14, с.92-96]. Однако рассмотрение данного сюжета важно в ракурсе исследования возможности российской власти вести «контрпропаганду» в чрезвычайных условиях начала XX века. Поэтому целью настоящей статьи будет получение ответа на вопрос, какую роль сыграли воззвания генерал-губернатора к населению в ходе событий и почему их судьба сложилась именно так. Для этого планируется рассмотреть содержание данных «афиш», историю их создания, способы и результаты распространения их среди москвичей. Важное место среди источников, привлеченных для исследования этих сюжетов, занимают черновые материалы воззваний, отложившиеся в личном фонде московского генерал-губернатора вице-адмирала Ф.В. Дубасова в РГА ВМФ.

Первое из упомянутых обращений

увидело свет 12 декабря 1905 г. Это был кульминационный момент Декабрьского восстания, когда революционерам-дружинникам удалось создать несколько поясов баррикад в Москве, отрезав от центра ряд окраинных районов, и успешно скрываться от войск и полиции, малыми группами ведя партизанскую войну. С 7 по 12 число также выходил печатный орган восставших – газета «Известия Московского Совета рабочих депутатов», представлявшая действия власти и революционеров в желательном для последних свете [21, с.157, 162-163, 173]. В этой ситуации первое воззвание стало своеобразным «ответным ударом» московской администрации во главе с генерал-губернатором Ф.В. Дубасовым. Глава Первопрестольной открывал послание к населению пространным изложением причин и хода текущих событий: указывал на предоставление императором 17 октября 1905 г. «широких свобод» своим подданным для последующего обновления государственного строя «на началах возвещенной свободы» и на срыв этого благотворного начинания «представителями крайних политических учений», кои «подчинив себе людей слабых и порочных», затеяли восстание лишь ради ниспровержения существующего порядка, а не в силу

каких-либо объективных причин; рассказывал об абсолютно аморальном образе действий «мятежников» (о стрельбе по войскам и полиции из засад, порче городского имущества), что и побудило власть принять против них «строгие меры» (вплоть до введения положения чрезвычайной охраны). В воззвании акцентировалось, что войскам, которые «всюду доблестно исполнили и продолжают исполнять свой долг», «всюду» удалось «сорвать наступательные планы» «мятежников». В то же время Дубасов, осознавая вред слишком бравурного тона, осторожно добавлял, что «главари и вдохновители мятежа ускользают от захвата», хотя выражал твердую уверенность в конечном разгроме «движения». После этого шли уже конкретные призывы к населению: «открытого осуждения...словом и делом» «мятежников», отказа от «всякой слабости, безучастности или колебания», которые могут вселить в сердца революционеров надежду на победу, для чего обывателям, по мнению генерал-губернатора, было необходимо «идти за одно с властями», исполняя все обязательные постановления, немедленно прекратив все забастовки, всячески оказывая содействие войскам и полиции и «восставая против всяких насильственных и преступных действий мятежников», обращаясь за «в случае надобности» к той же администрации [13, с.446-448]. Таким образом, воззвание было продиктовано целью убедить «нейтральных» москвичей в беспочвенности и деструктивности революционного движения, неизбежности победы власти и необходимости содействия ей для скорейшего прекращения «беспорядков» и деморализовать «мятежников» указанием на бесперспективность их борьбы.

Следующее обращение генерал-губернатора к москвичам появилось 16 декабря в уже других условиях: в ходе восстания произошел перелом в пользу власти; оставались лишь отдельные «очаги» «мятежа» (типа Пресни и Казанской дороги), в Москву прибыли военные подкрепления, хотя и происходили случаи выстрелов из частных домов и нападения на полицию и войска. К этому времени проявились изъяны принятой тактики борьбы с революционерами: обязательные постановления о закрытии ворот и дверей от 11 декабря не могли предотвратить свободного передвижения революционеров; практиковавшиеся военными обстрелы

домов, откуда был сделан хоть один выстрел, из артиллерии были заменены вице-адмиралом обысками с участием чинов полиции [2, с.708; 9, с.371; 14, с.113]. Поэтому перед генералом-губернатором вставала задача оповестить население и о своих стратегических планах, и о трансформации карательных мер. Первая часть воззвания гласила, что при «наводнении» центра Москвы мобильными группами революционеров, «стреляющими в полицию и войска из засад и из-за углов и быстро скрывающимися через переулки, открывая ворота домов и другие проходы», власть приняла решение о расширении действия обязательного постановления от 12 декабря (было предписано закрывать не только ворота и двери, но и чердачные и подвальные помещения) и о массовом производстве обысков тех домов, откуда стреляли, причем обыватели приглашались оказывать полицейским «полное содействие». Кроме конкретных распоряжений в тексте сообщалось о локализации конфликта – о поражениях «действий массами» восставших и вытеснении их на окраины города, Продолжил Дубасов создавать у читателей отталкивающий образ революционера, чему должны были послужить такие эпитеты, как «безумная борьба мятежников», «предательский образ действий». Наконец, в специально выделенной второй части воззвания можно было прочесть информацию о прибытии в Первопрестольную подкреплений и об отдаче приказа об очищении города от оставшихся «революционных очагов». Таким образом, из данного сообщения москвичи должны были вынести уверенность в неизбежной скорой победе правительственных сил, революционеры – в неминуемом своем поражении [13, с.456].

Объявление генерал-губернатора от 21 декабря появилось в обстановке окончания «зачистки» города от предполагаемых революционеров и расправы над ними. Слухи о кровавых экзекуциях солдат Семеновского полка под командованием полковников Г.А. Мина на Пресне и Н.К. Римана на Казанской дороге широко распространялись даже в «благонамеренной» среде [4, с.89, 90]. Подобные «толки» сильно подрывали авторитет власти, и Дубасов поспешил представить населению собственную версию действий «усмирителей», причем стремился придать действиям военных более respectable характер. Так, спальни рабочих Прохоровской мануфактуры,

подвергшиеся жестокому расстрелу 17 декабря, были якобы «обречены на уничтожение артиллерийским огнем» (хотя сам Дубасов в случае бегства «мятежников» категорически выступал против расстрела зданий [15, с.56]); казнь троих дружинников на Сахарном заводе 19 декабря объяснялась их «дерзким выступлением» (тогда как они были расстреляны по доносам и будучи безоружными) [2, с.703-704, 731-732]. Глава Первопрестольной не упоминал о бессудных расправах, лишь говоря о «рассеянии» «сил мятежников» и задержании многих «руководителей и главарей». В то же время Дубасов сообщал о продолжении «преступной борьбы» «самыми непримиримыми и озлобленными бойцами», итогом чего стал его приказ об оцеплении и обыске «всех кварталов столицы» (чему обыватели вновь призывались «особенно благотворно» содействовать). Коснулся вице-адмирал и слухов о массовых расправах, придав вопросу политический характер: сообщение газетами таких сведений трактовалось как стремление «подорвать доверие к армии и разбить ту связь ее с обществом и народом, которая всегда являлась источником военного могущества нашей Родины», посему прибегать к опровержению ниже «достоинства войск и представителя той власти, коей они призваны к действию». Чувствуя недостаточность такого аргумента, вице-адмирал пустился в морализаторство, заявляя, что при дилемме между «высоким долгом и чувством родства» к повстанцам военному невозможно сохранить самообладание. Под конец генерал-губернатор категорически заявил, что он «ни в одном из самых суровых действий войск» не усматривает нарушение границ «воинского долга и присяги» [14, с.92-96]. Следовательно, Дубасов закрывал для московского населения обсуждение темы невинных жертв в ходе подавления восстания.

Таким образом, воззвания генерал-губернатора служили преимущественно средством агитации и пропаганды, долженствовавшим путем изложения текущих событий под углом, выгодным власти, убедить население во вредоносной сути революционного движения, неизбежности победы правительственных сил и призвать его сплотиться вокруг администрации.

Черновики этих документов, отложившиеся в личном фонде Дубасова, демонстрируют,

что их создание было личной инициативой генерал-губернатора, кропотливо работавшего над их текстом. Объяснялось такое желание верой Дубасова в свой «талант» «оказывать на простых людей неотразимое влияние» [12, л.125 об., 180]. Но для профессионального моряка это было нелегкой задачей: сохранившееся бумаги пестрят многочисленными исправлениями (например, над воззванием от 16 декабря он начал работать накануне) [10, л.5-9 об., 11-12, 13-13а, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 об.-24, 25]. Значительная часть правок имела редакционный характер [10, л.5-5 об., 20]. Но встречались и смысловые исправления, например, в первоначальном варианте воззвания от 12 декабря, разительно отличавшимся от итогового варианта по интонации. Прелюдий на тему нарушенного Манифеста 17 октября не было, зато сразу последовали обвинения в адрес «горсти мятежников, успевшей подчинить себе людей слабых и порочных» (изначально было использовано выражение «часть наших граждан», что затем автор отверг, по всей видимости, как признание за последователями революционеров каких-либо положительных качеств и свидетельство определенной силы последних) и «удерживающей» москвичей в страхе, что делает «спокойную мирную жизнь невозможной». Кратко упомянув о забастовках и «уличных беспорядках», генерал-губернатор заявлял, что «настойчивость» революционеров «неспособна изменить predetermined им участи» (неминуемого поражения), и «всякий новый вызов с их стороны» лишь усилит репрессии. Обращаясь к мирному населению, Дубасов предостерегал «от всяких проявлений уступчивости» к «мятежникам», осудил какое-либо оправдание их действий.

Черновик итогового варианта также испещрен смысловыми исправлениями: говоря о возможности «благомыслящих... лиц» приступить к обновлению государственного строя после выхода Манифеста 17 октября, Дубасов добавляет местоимение «всех», долженствовавшее усилить впечатление от царского волеизъявления; рассказывая об «общем стремлении» «крамольников» уничтожить «всякий порядок», – исключает эпитет «правовой», очевидно, для создания еще более негативного образа революционеров в глазах населения и удовлетворения москвичей, не принимавших грядущие перемены. Много сил вице-адмирал уделил поиску

наиболее адекватной формы обращения к обывателям – одновременно доверительной и не порождавшей впечатления слабости власти: глагол «приказываю» был заменен им на выражение «обращаюсь с призывом», а оно в свою очередь – на нейтральное «призываю». Подверглись корректировке и первоначальные предписания: Дубасов исключил требование «всем сторонникам порядка теперь же явиться на службу или работу» (как дублирующее призыв прекратить забастовки), а противящихся этому – «уволить от службы и занятый, и заменить другими» (как меру жесткую и играющую на руку революционной пропаганде) и заменил на призыв содействовать полиции и войскам [10, л.5-5 об., 8, 9].

Черновики воззвания от 16 декабря показывают готовность генерал-губернатора весьма радикально изменять намеченный текст в зависимости от текущей обстановки: были добавлены упоминавшиеся предписания населению и сообщено о прибытии в Москву Семеновского и Ладожского полков, что должно было воодушевить «благонамеренных» и деморализовать революционеров (эта информация отсутствовала в черновом наброске от 15 числа; вместо сведений о приезде подкреплений Дубасов планировал включить сообщение о санитарных отрядах [10, л.17, 19, 20]. Вероятно, он предполагал составить «особое объявление» о порядке преследования членов «самочинных» санитарных отрядов, о чем сообщал городскому голове [17, л.7]. Вероятно, извещение о прибытии в Первопрестольную войск показалось Дубасову более важным и выигрышным с политической точки зрения (страдавшее от боевых действий мирное население вряд ли бы отнеслось с восторгом к объявлению о репрессиях против санитаров).

Красной нитью через эти тексты проходит и стремление генерал-губернатора не уронить престиж вверенной ему власти: например, говоря о забастовках «городских учреждений», он заменяет числительное «многих» на «некоторых» [10, л.11-12].

Таким образом, направленность редакции Дубасова состояла в поиске формы объявлений, должной убедить обывателей в силе и справедливости власти, продемонстрировать аморальность и беспочвенность повстанцев, вызвать доверие москвичей

различных убеждений (отсюда стремление не допустить создания представления о чрезмерной жестокости или слабости власти). Возможно, одной из целей корректуры генерал-губернатора была деморализация революционеров с помощью тщательно подобранных фраз и фактов об успехах правительственных сил.

О том, как воспринимало обращения генерал-губернатора московское население, мы, ввиду скудности источниковой базы можем сделать лишь самые общие замечания.

Прежде всего, население испытывало определенные трудности с ознакомлением с содержанием «афиши» от 12 декабря. Судя по всему, его печатные копии вывешивались не в самый день подготовки, а в ночь на следующий: различные свидетели знакомились с текстом именно 13 декабря (вкуче с пакетом обязательных постановлений) [4, с.80; 8, с.108; 19, л.80]. Но не все москвичи имели возможность прочесть это объявление. Учитывая мизерабельный масштаб работы единственной действовавшей типографии – штаба МВО (9000 экземпляров всех обращений генерал-губернатора к населению, включая тексты обязательных постановлений), срыв экземпляров возмущенной частью населения в условиях малочисленности полиции и войск [8, с.108], можно сделать вывод о неосведомленности о содержании воззвания значительной прослойки москвичей. Видимо, никакого представления о заключенных в нем призывах не имела и немалая часть жителей, предпочитавших не покидать своих домов. Например, известный консервативный публицист Л.А. Тихомиров. 13 декабря записал в дневнике о своей (и знакомых) неосведомленности о содержании «афиши», поскольку все это творчество генерал-губернатора «расклеено и будет сорвано, а по домам не разнесено» [3, с.175]. Вероятно, что знаменитый консерватор и позднее не ознакомился с первым воззванием: на эту мысль наводит приписывание им Дубасову представления о тотальном бунте москвичей, тогда как в «афише» говорилось совершенно об обратном [3, с.175].

Последствия же подобного незнания красноречиво изложены в письме генерал-губернатору дочери бывшего городского головы И.А. Лямина Р.И. Трухачевой от 14

декабря, сообщавшей, что массы «невинных и наивных» жителей сумели подчинить своему коварному влиянию «волки в овечьей шкуре» – революционеры (в частности внушившие «массе простолюдинов», что половина московского гарнизона на стороне повстанцев. Автор считала, что генерал-губернатору следовало вести контрпропаганду «в воззваниях к народу, которые бы смело развозились по городу под охраной войск и читались всей этой многотысячной, увлеченной ложью толпе или в объявлениях, прибитых везде где только можно и охраняемых караулами») (все подчеркивания сделаны Дубасовым – М.А.) [11, л.55-58 об.]. Следовательно, воззвание генерал-губернатора от 12 декабря осталось неизвестным широким слоям населения; масса народа поэтому оказывалась в этой связи чрезвычайно восприимчивой к влиянию революционеров; существовала угроза целенаправленного срыва экземпляров «афиши». Таким образом, в целом ряде московских районов «агитационная обработка» населения в видах власти 13-14 декабря потерпела провал.

Сам Дубасов, во многом под влиянием общественности [2, с.689, 708], приложил усилия для недопущения подобных просчетов при подготовке второго воззвания. Письмо дочери бывшего городского головы он не просто внимательно читал и испещрил выделениями (касавшимся слухов, распускаемых революционерами, желательного, на взгляд автора, содержания воззваний и способа их распространения), но резюмировал: «Очень верное соображ[ение]» [11, л.57]. После прекращения всеобщей забастовки заведений печатного дела генерал-губернатор интенсифицировал работу типографии штаба МВО: 16 декабря правитель его канцелярии А.А. Воронин передал заведующему этим учреждением просьбу своего патрона разослать 10000 экземпляров новой «афиши» градоначальнику, 3000 – в канцелярию попечительства о народной трезвости, 20 – в канцелярию самого главы Первопрестольной [18, л.37]. Судя по всему, усилия увенчались успехом: дочь члена ЦК «Союза 17 октября» графиня Е.Л. Камаровская без затруднений ознакомилась с текстом в тот же день [4, с.85].

На пути широких кругов жителей Первопрестольной к ознакомлению с

обращениями генерал-губернатора стояла и неграмотность многих из них. Типичный, по-видимому, случай зафиксировала Е.Л. Камаровская: когда она читала «громко, вслух» первое воззвание, «вокруг собралась довольно большая толпа народа» [4, с.80]. Очевидно, иначе эти люди просто не могли узнать, к чему призывает их глава московской администрации. Однако подобный способ ознакомления с информацией был сопряжен со смертельной опасностью: люди невольно образовывали солидные «скопления», что было уже нарушением обязательного постановления о запрещении собираться группами больше трех человек и озлобленными военными каралось на свой лад – залпами [4, с.81; 5, с.23]. Помимо своей воли Дубасов предоставлял жителям вверенного ему города сравнить «предательский образ действий» «мятежников» с реальным «доблестным исполнением долга» войсками...

Тем не менее, часть населения все же была осведомлена об обращениях власти (в случае с двумя последними воззваниями ее доля должна была неуклонно расти). Какова была ее реакция на призывы генерал-губернатора?

Представители «прогрессивных» кругов предсказуемо встретили появление воззваний главы Первопрестольной враждебно и язвительно. Корреспондент газеты «Молва» В.И. Климков в репортаже о событиях 13 декабря вольно или нет поместил рядом известия о выпуске первой «афиши» и появлении хулиганов на московских улицах [5, с.25]. Его читатели (например, авторы сборника «Москва в декабре 1905 г.») вовсе установили между событиями причинно-следственную связь (что, возможно, происходило и в декабрьские дни) [8, с.225]. Социал-демократический публицист К.Н. Левин, комментируя содержание «афиш» в дневнике, возмущался цинизмом вице-адмирала, обвинял его в переложении ответственности за эксцессы в ходе восстания «с больной головы на здоровую» – с администрации на революционеров («перечисленные качества революционеров Дубасов должен всецело отнести к своей персоне и к действующим войскам, но предварительно возведя их в куб») и утверждал, что истинный бич мирных обывателей – именно «уничтожавшие» их «как

саранчу» войска во главе с «профессиональным убийцей» [7, с.248, 250]. Несмотря на четко выраженные симпатии повстанцам, в словах Левина содержится важное свидетельство объективной слабости позиции, придерживавшейся Дубасовым в своих текстах – возложение всей ответственности за бедствия в столице на революционеров и полное замалчивание очевидных злоупотреблений войск. Как представляется, чувства, подобные испытываемым Левиным, могли возникнуть у вовсе не радикальных жителей Первопрестольной.

Возможно, что вице-адмиралу удалось повлиять на революционеров в деле эвакуации из последнего оплота восстания – Пресни: судя по различным источникам (сборник «Москва в декабре 1905 г.», воспоминания вожака университетской боевой дружины В.А. Костицына) 16 декабря дружинники узнали о прибытии в Москву подкреплений и вечером того же дня на собрании в стенах Прохоровской мануфактуры (главного революционного центра Пресни) приняли решение о прекращении восстания и стачки соответственно 18 и 19 декабря (хотя утверждать с точностью, что на их выбор повлияло именно воззвание Дубасова, нельзя) [6, с.206-207; 8, с.123-125, 175].

Предсказуемо положительно отреагировали на появление «афиш» и убежденные противники революции – гласный городской Думы октябрист Н.П. Вишняков, Е.Л. Камаровская, хотя получаемые сведения вряд ли радикально влияли на их и без того твердую позицию. Кроме того, они продолжали в немалой степени черпать информацию из слухов и разговоров, причем Камаровская под влиянием неофициальных данных могла найти «геройско-благородные» черты в деятельности «фанатиков» [4, с.80, 81, 85, 88; 19, л.72, 87 об.]. Впрочем, осведомленные о содержании «афиш» сторонники «порядка» предпринимали и активные действия для содействия властям: так, жена потомственного дворянина Е.М. Чиж в ответ на призыв о «содействии» отправила Дубасову донос на московских членов конституционно-демократической партии [16, л.4-6 об.].

О реакции массы «мирных обывателей» на возвания генерал-губернатора мы имеем лишь смутные и противоречивые сведения. С

одной стороны имеются свидетельства благоклонного восприятия ими воззваний. Е.Л. Камаровская отмечала, что во время ее чтения «одна старушка умиленно слушала меня и набожно крестилась каждый раз, когда я читала о царе» (да и вся толпа внимавших не проявляла протеста) [4, с.80]. В документе иной идейной направленности – сборнике «Москва в декабре 1905 г.» – сообщается, что примерно с 13 декабря «стало выясняться, что дружины слишком малочисленны, чтобы долго сопротивляться войскам, численность которых увеличивалась», и «настроение обывателей начало падать, стала заметной реакция» [8, с.22, 225]. Хотя такой поворот мог быть обусловлен объективными наблюдениями москвичей, можно предположить, что возвания генерал-губернатора могли сыграть свою роль.

Однако мы располагаем и сведениями прямо противоположного свойства. К.Н. Левин отметил в дневнике возмущение рабочих жестокими действиями властей при одновременных призывах встать на работу, «всеобщую» враждебность пролетариев по отношению к администрации [7, с.248-250]. Публициста вполне можно заподозрить в ангажированности, но имеются такие же сведения из другого «лагеря». Н.П. Вишняков занес в дневник рассказ двоюродного брата своей жены, мирового судьи Н.И. Белявского, что «простой народ не против революционеров, а скорее относится к ним сочувственно, сохраняя при этом выжидательное отношение». Показательно, как, по рассказу мирового судьи, уличные мальчишки дразнили драгун: «Помогать полиции дело не выгодно, наших бьют» [19, л.123 об.]. Из данного пассажи следует, что часть «простого люда» была осведомлена о тексте воззваний генерал-губернатора, но явно предпочитала призывам, содержавшимся в них, обещания революционеров. Действительно, Дубасов, несмотря на тщательную проработку своих обращений, не затрагивал жизненно важных для многих москвичей проблем – социальную подоплеку восстания и страшные злоупотребления, допущенные войсками и полицией при его подавлении. В этом отношении дубасовские «афиши» содержательно проигрывали тем же «Известиям Совета рабочих депутатов» – органу революционеров.

Последнее воззвание генерал-

губернатора, голословно опровергавшее слухи о массовых расстрелах, не имело никакого действия на сколько-нибудь интересующихся событиями обывателей. Шокирующие и весьма близкие к истине репортажи появлялись на страницах газет (той же «Молвы»), а слухи о массовых расстрелах (например, на Ходынском поле) пользовались доверием даже таких врагов революции, как графиня Е.Л. Камаровская и Л.А. Тихомиров [3, с.189; 4, с.91].

Таким образом, генерал-губернатор Дубасов в ходе Декабрьского восстания и сразу после него предпринял попытку завоевать поддержку «мирного населения» Первопрестольной и попутно деморализовать революционеров с помощью особых воззваний, излагавших ход событий с точки зрения власти и призывавших обывателей к содействию администрации. Убежденный в своем умении разговаривать с «простым народом», он очень серьезно подходил к их составлению и проявил немало

изобретательности при поиске наиболее оптимальных форм выражения своих мыслей, что свидетельствует о наличии у него способностей политика, пекущегося как о доверии населения, так и о сохранении престижа власти. По всей видимости, частично ему удалось добиться успеха на этом пути. Однако серьезные социально-политические проблемы начала XX века (слабость силового ресурса местной администрации, не позволявшая обеспечить распространение и охрану экземпляров «афиш», неграмотность широких слоев населения) и умолчание генерал-губернатором, не слишком осведомленным о гражданских делах и ограждавшим «доблестные действия» войск, о наиболее животрепещущих для москвичей вопросах – объективной подоплеке восстания и ответственности за злоупотребления власти при его подавлении – резко снижали эффективность этого средства борьбы с революционным движением.

Список литературы

1. Вальдин А.С. Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) восстания. Дисс. ...канд. истор. наук. М., 2000
2. Высший подъем революции 1905-1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь-декабрь 1905 года. Ч.1 // Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. М., 1955
3. Дневник Л.А. Тихомирова. 1905-1907 гг.. М., 2015
4. Записки графини Е.Л. Камаровской // Власть и общество в Первой российской революции 1905-1907 гг. Документальные свидетельства. М., 2017. С.68-91
5. Климков В. Расправы и расстрелы. Письма, очерки и наброски специального корреспондента газеты «Русь» («Молва»). М., 1906
6. Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. // Мое утраченное счастье. Воспоминания и дневники. Т.2. М., 2017. С.181-211
7. Левин К.Н. Вооруженное восстание в Москве: дни 7-19 декабря 1905 года. Отрывки из дневника // Декабрьское восстание 1905 года в Москве. Иллюстрированный сб. статей, заметок и воспоминаний. М., 1919. С.231-260
8. Москва в декабре 1905 г. 2-е изд. М., 2018
9. Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005
10. Российский Государственный Архив Военно-морского Флота (РГА ВМФ). Ф.9. Оп.1. Д.448
11. РГА ВМФ. Ф.9. Оп.1. Д.505
12. РГА ВМФ. Ф.9. Оп.1. Д.751
13. Революция без ретуши. 17 документов из фондов Центрального Исторического архива Москвы. Декабрь 1904 – май 1907 гг. // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып.2. Вторая половина XIX – начало XX века. М, 2000. С.439-457
14. *Сторожев В.Н.* Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание 1905 года в Москве. Иллюстрированный сб. док., материалов и воспоминаний. М., 1920. С.60-207
15. Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции 1905-1907 гг. М., 2017. С.38-67
16. Центральный Государственный Архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф.16. Оп.95. Д.290

17. ЦГА Москвы. Ф.16. Оп.139. Д.174. Т.2
18. ЦГА Москвы. Ф.16. Оп.237. Д.87
19. ЦГА Москвы. Ф.1334. Оп.1. Д.18
20. Шатина Н.В. Местный административный аппарат самодержавие в борьбе с Первой русской революцией (На примере Москвы). Дисс....канд. истор. наук. М., 1989
21. Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957
22. Asher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray. V. 1. Stanford University Press, 1988
23. Engelstein L. Moscow 1905: Working-class organization in Political Conflict. Stanford (Calif), Stanford University Press, 1982

THE FATE OF THE PROCLAMATIONS OF GOVERNOR-GENERAL F.V.DUBASOV TO THE MOSCOW POPULATION IN THE PERIOD OF THE DECEMBER UPRISING 1905

This article deals with the history of the proclamations of the Governor-General of Moscow, issued during the December uprising of 1905. The study of this problem can throw light upon the ability of power to convince the population in extraordinary situations of the First Russian revolution. The investigation is based on the different sources, including the proclamations, the documents of personal origin, the materials of business correspondence and press. The archive materials are of importance in studying the process of the elaboration of these announcements. The problem has not received all the attention it deserves in spite of interest of many scholars in the events of the December uprising. The author examines the history of creating these proclamation, their content, the process of spreading them and the results of it. It's pointed out the aim of the Governor-General was to draw the neutral part of the Moscow population on the side of the power and to demoralize the revolutionaries protecting prestige of the authorities. But inferiority in numbers of the administration incapable to make spread these proclamations, widespread illiteracy of Moscow citizens and default of the Governor-General about the social background of the uprising and abuses of power during its suppression dropped the effectiveness of this measure in the struggle against revolution.

Keywords: Governor-General, proclamation, exceptional security, December uprising, revolutionaries, compulsory regulation, F.V. Dubasov, N.P. Visnyakov, E.L. Kamarovskaya.

References

1. Valdin A.S. Sotsial'no-politicheskaya bor'ba nakanune i vo vremya Dekabr'skogo (1905 g.) vooruzhennogo vosstaniya v Moskve [Socio-Political Struggle on the Eve and During the December (1905) Armed Uprising in Moscow]. Diss. ... kandidata istoricheskikh nauk [Diss. for Candidate Degree in History]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2000
2. Vysshij pod'em revoljucii 1905-1907 gg. Vooruzhennye vosstaniya. Nojabr'-dekabr' 1905 goda. Ch.1 [The high tide of the Revolution of 1905-1907. The armed uprisings. November-December of 1905. P. 1]// Revoljucija 1905—1907 gg. v Rossii. Dokumenty i materialy [The Revolution of 1905-1907 in Russia. The documents and materials]. M., 1955
3. Dnevnik L.A. Tihomirova. 1905-1907 gg.. [The diary of L.A. Tikhomirov]. M., 2015
4. Zapiski grafini E.L. Kamarovskoj [The notes of the Countess E.L. Kamarovskaya] // Vlast' i obshchestvo v Pervoj rossijskoj revoljucii 1905-1907 gg. Dokumental'nye svidetel'stva. [Power and Society in the First Russian Revolution of 1905-1907. The documentary testimonies] M., 2017. S.68-91
5. Klimkov V. Raspravy i rasstrely. Pis'ma, ocherki i nabroski special'nogo korrespondenta gazety «Rus'» («Molva») [The reprisals and shootings. The letters, essays and sketches of the special correspondent of the "Rus" ("Molva")]. M., 1906
6. Kosticyn V.A. Dekabr'skoe vosstanie 1905 g. [The December uprising of 1905] // Moe utrachennoe schast'e. Vospominaniya i dnevniki. T.2. [My lost happiness. The memories and diaries]. M., 2017. S.181-211
7. Levin K.N. Vooruzhennoe vosstanie v Moskve: dni 7-19 dekabrja 1905 goda. Otryvki iz dnevnika [The armed uprising in Moscow: 7-19 December of 1905. The fragments from the diary] // Dekabr'skoe vosstanie 1905 goda v Moskve. Illjustrirovannyj sb. statej, zametok i vospominanij [The December armed uprising of 1905 in Moscow. The illustrated digest of the articles, notes and memories]. M., 1919. S.231-260
8. Moskva v dekabre 1905 g [Moscow in December of 1905]. 2-e izd. M., 2018
9. Pervaya revolyutsiya v Rossii. Vzgljad cherez stoletije [The First Revolution in Russia. A Glimpse through the Century]. M., 2005

10. Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Voenno-morskogo Flota (RGA VMF). F.9. Op.1. D.448
11. RGA VMF. F.9. Op.1. D.505
12. RGA VMF. F.9. Op.1. D.751
13. Revoljucija bez retushi. 17 dokumentov iz fondov Central'nogo Istoricheskogo arhiva Moskvy. Dekabr' 1904 – maj 1907 gg [The revolution without retouch. 17 documents from the funds of the Central Moscow Historical Archive. December 1904 – May 1907]. // Moskovskij arhiv. Istoriko-kraevedcheskij al'manah. Vyp.2. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka. [Moscow Archive. The Historical and Lore Almanac. Is.2. The first half of the XIX – the beginning of] the XX century] M, 2000. S.439-457
14. Storozhev V.N. Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie (Po arhivnym materialam) [The December Armed Uprising (On the archive materials)]// Dekabr'skoe vosstanie 1905 goda v Moskve. Illjustrirovannyj sb. dok., materialov i vospominanij [The December armed uprising of 1905 in Moscow. The illustrated digest of the articles, notes and memories]. M., 1919. S.60-207
15. F.V. Dubasov o Dekabr'skom vooruzhennom vosstanii v Moskve [F.V. Dubasov about the December armed uprising] // Vlast' i obshhestvo v Pervoj rossijskoj revoljucii 1905-1907 gg [Power and Society in the First Russian Revolution of 1905-1907. The documentary testimonies]. M., 2017. S.38-67
16. Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Moskvy (CGA Moskvy). F.16. Op.95. D.290
17. CGA Moskvy. F.16. Op.139. D.174. T.2
18. CGA Moskvy. F.16. Op.237. D.87
19. CGA Moskvy. F.1334. Op.1. D.18
20. Shatina N.V. Mestnyy gosudarstvennyy apparat samodержaviya v bor'be s pervoy rossijskoj revolyucijey: (Na primere Moskvy) [Local State Apparatus of Autocracy in the Fight against the First Russian Revolution: (Moscow's Case Study)]. Diss. ... kandidata istoricheskikh nauk [Diss. for Candidate Degree in History]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy istoriko-arkhivnyy institut, 1989
21. Yakovlev N.N. Vooruzhennyye vosstaniya v dekabre 1905 g. [December 1905 Armed Uprisings]. Moscow: Gospolitizdat, 1957
22. Asher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray. V. 1. Stanford University Press, 1988
23. Engelstein L. Moscow 1905: Working-class organization in Political Conflict. Stanford (Calif), Stanford University Press, 1982

Об авторе

Алмазов Михаил Григорьевич – аспирант кафедры истории России XIX – начала XX века исторического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова (Россия), E-mail: vnm128@mail.ru

Almazov Mihail Grigor'evich – postgraduate student of the department of the Russian history of the XIX and the beginning of the XX century, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Russia). E-mail: vnm128@mail.ru